

ТИБЕТСКИЕ ОТКРЫТИЯ РАХУЛА САНКРИТЬЯЯНЫ *

*Барбара Герке
(Германия и Индия)*

«Если из более чем четырех тысяч утраченных буддийских рукописей на санскрите и найдется несколько, то оказаться они могут только в Тибете. Поэтому мы представляем себе, как велика была роль тибетских монастырей в сохранении нашего наследия. В определенную эпоху наши пандиты и тибетские лоцавы веками переводили сочинения с санскрита, пракрита (гибридного санскрита) или апабхрамша (искаженного санскрита) на тибетский язык. Наступает время, когда они должны быть восстановлены на санскрите или на хинди, только тогда наше понимание своего наследия будет полным» [1].

Человек, написавший это, был предан поискам и открытию утраченного наследия Индии, уничтоженного, главным образом, во время тюркских вторжений в XII веке. Семена интереса к этим поискам были посеяны во время его первого посещения Ладака и пограничной области Западного Тибета в 1926 г., когда он познакомился с буддизмом в монастыре Хеми и в других священных местах в районах Западных Гималаев. Там он понял, что многое из буддизма, утраченного в Индии, сохранилось в гималайском регионе. Этот взгляд укрепился, когда он в 1927 г. поехал преподавать и заниматься исследованиями на Шри-Ланку. Там, в процессе глубоких размышлений над палийской Трипитакой, его ум все более и более переходил от его вишнуитского, индуистского прошлого и от веры

* Доклад, представленный на международном семинаре, посвященном жизни и трудам Рахула Санкритьяяны в СПб Университете (30-31 октября 1995 г.).

Ранее, в статье Я.В.Василькова, использовалась санскритская форма имени Санкритьяяны: «Рахула». Так называли его русские друзья и коллеги-санскритологи. В статье Б.Герке употребляются простая («Рахул») и почтительная («Рахул-джи») формы имени ученого, характерные для современного языка хинди.

в «Арья самадж» к учению Будды. Не рассказы о чудесах в Трипитаке, но «простая всепроникающая рациональность заветов Будды» убедила его [2].

Эта статья рассматривает историю жизни природного индийца, не верившего ни в какие границы и распространявшего свои взгляды в различных сочинениях, человека, который, 37 лет странствуя по разным странам мира, искал следы своих предков [3].

Его звали Рахул Санкритьяна.

Что было источником устремления, заставившего его четыре раза с 1929 по 1938 годы пересекать гималайские перевалы пешком или верхом на пони? В отличие от большинства путешественников, он не интересовался возможностями торговли или картографированием Гималаев. Не был он также и типичным буддийским паломником, обходившим святые места Тибета. Рахул был ученым, а изучение языков позволило ему усвоить сравнительную философию различных философских школ. Поэтому он смог понять пути миграции идей в среде тех людей, которые развивали их, увидеть единство, а не различие и наблюдать, как культура пересекала континенты [4].

Зная, что из-за таких миграций утраченная оригинальная индийская литература по буддийской логике может быть найдена в удаленных долинах высочайшего на земле плато, он в 1929 году отправился в Тибет. Всего годом раньше Центральноазиатская экспедиция под руководством Николая Рериха вступила в Тибет с севера, через Монголию и пустыню Гоби. Ее участникам пришлось провести пять долгих зимних месяцев на плато Чантанг — самом холодном месте Азии, где их удерживали тибетские чиновники, все еще старавшиеся оградить свою страну от любых контактов с иностранными исследователями. Хотя Рерихи имели соответствующий китайский паспорт, надежную тибетскую визу и даже рекомендательное письмо к 13-му Далай-ламе, им не разрешили пройти в Лхасу [5].

Как и Рерихи, Рахул-джи попал в Тибет в то время, когда иностранцев не приглашали посещать священный город Лхасу или проводить какие-либо исследования на тибетской территории. После экспедиции Янгхазбенда 1904 года и установления хороших личных отношений между сэром Чарльзом Беллом и 13-м Далай-ламой, которые сложились за время двухлетнего изгнания бога-царя в Индию в 1910-12 гг., англо-тибетские связи улучшились. В 1924 году в Джангдзе была даже организована английская школа, но из-за стремления тибетской церкви — особенно школы гелугпа — устранять все новое и из-за распростра-

нявшихся политических слухов, о том что любое современное нововведение может уничтожить буддизм, эта школа скоро была вынуждена закрыться.

Густая завеса, однажды приподнявшаяся, снова опустилась над исключительностью Тибета, и сквозь нее смогли проникнуть лишь несколько известных людей. Рахул-джи был одним из них.

После экспедиции Янгхазбенда англичане установили посты в Тибете на восточной границе Сиккима, в Ятунге и Пхари, чтобы контролировать торговлю, выдавая путникам разрешения. Они также послали резидентов в Джангдзе и Лхасу. Позднее Рахул-джи получил разрешение и смог пользоваться путем в Тибет через Сикким, но в своем первом путешествии он шел замаскированным, избегая бдительности британцев.

Странно, что имя Рахул-джи редко появляется в публикуемых перечнях отважных исследователей, с XVIII века пытавшихся достичь Запретного города на высоте 14 тыс. футов над уровнем моря. Большая часть сокровищ, привезенных им через гималайские перевалы караваном из 22 мулов, все еще неизвестна и не исследована.

Коллекция, которую он привез в 1930 году, состояла из лхасского и нартангского ксилографических изданий тибетских буддийских каноников: 1108 сочинений Канчжура и 3356 сочинений Танчжура, 1619 тибетских ксилографических и рукописных текстов на самые разнообразные темы, включая: историю, жизнеописания, мемуары и летописи, философию и тантру, религию и литературу, искусство и астрологию, медицину и другие предметы; 230 произведений искусства, включая 101 драгоценную танку, среди которых был комплект из монастыря Ташилунпо, созданный в XVII веке. Многие из этих танок изображают индийских пандитов позднего периода буддизма в Индии, а также тибетских учителей, будд, бодхисаттв и мандалы.

Рахул-джи писал: «Иностранцу в Тибете нелегко собирать живопись. Верующие считают великим грехом отдать изображения своих богов и лам в руки иноверца... но ввиду моего долгого пребывания в Лхасе, я познакомился со многими тибетцами, с чьей помощью мне удалось за краткий период в два месяца собрать около 150 картин» [6, с.198].

Рахул-джи собрал также коллекцию фотопластинок и деревянных моделей тибетских монастырей, которые показывают близкое сходство тибетской архитектуры с архитектурой древних индийских вихар [7].

Часть этой коллекции — после первого показа на Шри-Ланке — Рахул-джи повез в 1932 г. в Лондон, Париж и в Германию. В Париже

Рахул-джи предлагали за эти произведения искусства 100 тыс. франков (что соответствовало 100 тыс. долл. того времени). Понимая непреходящую ценность этих творений, Рахул в 1933 году подарил эту коллекцию, к которой добавлялись предметы из его последующих тибетских путешествий, Научному обществу Бихара и Ориссы в Патне. В то время его друг, историк К.П.Джаясвал, был еще жив и смог сделать необходимые приготовления. Рахул никогда не хотел продавать бесценную коллекцию, но намеревался сохранить ее для исследователей в таком месте, где бы она была доступна для региона своего происхождения. Он мечтал о восстановлении университета Наланды в Бихаре как центра буддийской учености, который способствовал бы росту осознания прошлого Индии среди ее народа и был бы самым подходящим местом для такой коллекции [6].

Но коллекции выпала иная судьба. С 1932 года ее не показывали в более широком масштабе, несмотря на то что это одно из самых обширных собраний такого рода за пределами Тибета. Экспозиционная площадь галереи в музее Патны недостаточна, чтобы показать всю коллекцию сразу. Это значит, что все рукописи — особенно на тибетском — и около двух третей танок хранятся в свернутом виде и обернутыми, в неудовлетворительных условиях хранения, учитывая жаркий и влажный климат, требующий современного музейного оборудования. «Эта коллекция лежит практически нетронутая и недоступная, становясь жертвой опасностей жары и влажности, в той стране, откуда она была вывезена сотни лет назад на холодное плато Тибета» [8].

В 1951 году, когда почетным директором Научно-исследовательского института им. К.П.Джаясвала был д-р А.С.Алтекар, были сделаны негативы, с тем чтобы приготовить фотокопии, которые с тех пор издаются в «Серии тибетских санскритских трудов» (Tibetan Sanskrit Work Series) [9].

Негативы первой экспедиции были на стекле (245 пластинок), дальнейших — на пленках (около 1300 кадров). Однако эти фоторепродукции санскритского материала были все еще недоступны ученым в 1987 году, а следов санскритских текстов, переписанных Рахул-джи от руки, вовсе не было [10].

Полный комплект тибетских рукописей был открыт лишь однажды, в 1961 году, когда составлялся каталог [11]. Были проведены исследования только санскритских рукописей индийскими и иностранными учеными, в том числе из японского общества «Нарита» и отдельными учеными из Германии, Франции, Австрии и др. После упадка буддизма в

Индии все буддийские оригинальные источники были утрачены, поэтому их открытие Р.Санкритьяяной в Тибете составило эпоху в индологических исследованиях в целом [12].

Рахул-джи вел путевой дневник, впоследствии переделанный им в книгу «Путешествие моей жизни» (Meru Jeewan ki Yatra), хранящую свидетельства четырех его путешествий в Тибет. К сожалению, до сих пор она издана только на хинди и бенгали. Чтобы предоставить слово самому Рахул-джи, я использовала перевод избранных фрагментов из его автобиографических описаний путешествий [2].

В первом путешествии у Рахул-джи не было ни китайского паспорта, ни тибетской визы, и ему пришлось принять облик тибетского монаха. У него было рекомендательное письмо от ламы Хеми из Ладака и не было иных средств, помимо той платы, которую он получал за свои статьи. Его намерение остаться в Тибете надолго, на три года, не смогло осуществиться, потому что он нуждался в деньгах и фотоматериалах, но ему удалось остаться на 15 месяцев, которые он использовал для установления хороших связей и сбора сведений для своих дальнейших путешествий.

Четырьмя годами позднее, во время его второго путешествия 1934 года, Рахул-джи был посвященным монахом-бхикху, легко узнаваемым по своей оранжевой одежде, которую он носил до своего возвращения в поля Бихара во время индийского крестьянского движения. Его приглашали в монастыри, помнившие своего «индийского пандита» и его преданность и любовь к рукописям, которые были столь священны для тибетцев, что иногда они использовали части старых пальмовых листьев для заполнения амулетов и ритуальных предметов, не заботясь о создаваемом этим беспорядке в последовательности текста.

Помимо частной поддержки от друзей и доброжелателей, Рахул-джи получал некоторые фотоматериалы от Научного общества Бихара, что позволило ему не копировать все шлоки от руки. Тем не менее, во время посещения Сакья, Нгора и других монастырей он переписал от руки около 100 тыс. шлок.

Отправляясь в свое третье путешествие, Рахул-джи снова покинул Индию, имея не более сотни рупий в кармане, что было недостаточно даже для личных расходов пешего странника. К счастью, пандит-санскритист Хемрадж Шарма, королевский гуру при непальском дурбаре в Катманду, проявил отеческую заботу о путешествии Рахул-джи, поддержал его деньгами и снабдил материалами, т.е. фотооборудованием [13, с.82].

Четвертое путешествие в 1938 году было предпринято в сопровождении фотографа и художника. Рахул немного написал об этом путешествии помимо дневника. Его здоровье было столь плохим, что большую часть пути до Джангдзе его пришлось нести. Целью путешествия было, в основном, продолжение сбора коллекций, копирование и фотографирование санскритских рукописей в монастырях, где Рахул теперь чувствовал себя как дома. Группа проследовала по маршруту от Калимпонга до главных монастырей Цзана. На этот раз Рахул не посетил Лхасу, но вернулся тем же путем, что два года назад, через Сикким.

Четыре тибетских путешествия Р.Санкритьяны охватывают период в девять лет, с 1929 по 1938 гг., из которых он 3 года провел в Тибете.

На пути в Тибет в 1929 году

Рахул подгадал войти в Непал во время праздника Шиваратри, когда непальское правительство — по британским инструкциям — позволяло паломникам посещать храм Пашупатинатх в Катманду. После окончания праздника Рахул-джи остался, растворившись среди тибетской общины, которая обитала вокруг ступы Махабодхи, и совершенствовал свой тибетский облик для путешествия в Тибет. Он начал учить тибетский язык еще на Шри-Ланке и теперь мог улучшить свой тибетский разговорный, что стало весьма насущным, поскольку он ходил в облике тибетского монаха. Он решил путешествовать в группе учеников Дугпа-ламы, и несколько недель ему пришлось ждать их отправления. Оставаясь в Йолмо, он использовал это время, изучая разговорный тибетский. Его учителем был маленький тибетский мальчик Тензин, который не говорил ни на каком другом языке. Тибетский ученый Гедун Чойпел, сопровождавший Рахула на обратном пути из второго путешествия, заметил в своих воспоминаниях: «Будучи в Лхасе, я встретил индийского пандита, говорившего по-тибетски, как шестилетний мальчик» [14].

Рахул-джи писал об этом времени в Непале: «Хотя теперь я носил тибетскую одежду, не брился и щеголял слоем грязи на лице и руках, перестав мыться, я все еще серьезно беспокоился, что кто-нибудь может признать во мне жителя равнин. Как летучая мышь, я не делал попытки оставить мое жилье днем. Ночью я совершал круговые обхождения ступы в сопровождении тибетцев. Я прожил такой жизнью больше месяца. ...У меня был начальный учебник тибетского на английском, и я проводил время, изучая его» [2].

Начав свое путешествие со свитой Дугпа-ламы, он скоро оставил ее, потому что лама имел обыкновение останавливаться в каждой деревне, целыми днями совершая обряды и ритуалы, во время которых его ученики должны были поститься и совершать постирания. Но Рахул-джи стремился двигаться дальше, к своей цели — к скрытым в монастырях Тибета индийским сокровищам.

В то время Тибет был разделен на 108 провинций, называемых дзонгами, и укрепленные административные здания охранялись провинциальными чиновниками, называвшимися дзонгпонами. Путникам не разрешалось переезжать из одной провинции в другую без подорожной (лам-йиг), написанной собственноручно дзонгпоном. К счастью, Рахул-джи встретился с монгольским ламой Лувсан Шерабом, которого знал по предыдущему посещению Бодх-Гаи. Монгольский лама получил лам-йиг для них обоих, как для двух лам из Дрепунга, возвращающихся в свой монастырь после паломничества в Бодх-Гаю, величайшую буддийскую святыню в Индии, в Бихаре [2].

В 1934 году, во время его второго путешествия, на пути к монастырю Сакья, дзонгпоны снова останавливали его, отказываясь давать пони, потому что им было велено не пропускать никаких индийских путников. Но когда Рахул-джи показывал им фотографии своего последнего путешествия, печатные экземпляры и корректуры санскритских сочинений, они с радостью давали ему свое согласие, признавая его служение их религии [13].

Вот как Рахул Санкритьяна описывает трудности первого путешествия: «Теперь нам пришлось пересекать страну цзампы, и должны мы были сделать это пешком, неся свой груз на спине. Я серьезно сомневался в своей способности жить на одной цзампе (поджаренной ячменной муке) и поэтому собрал немного неочищенного сахара и разную другую провизию. У моего монгольского друга уже был заплечный груз весом более 40 кг, а я скоро смог собрать для себя груз в 20-25 кг. Дугпа-лама выдал мне блестящую рекомендацию, а вместе с ней он щедро наделил меня разнообразной провизией, и к полудню мы были готовы пуститься в путь. Оба мы были одеты так, что едва ли нас могли принять за кого-либо иного, нежели нищих... Нас окружали обнаженные горные вершины, среди которых был Гауришанкар (Эверест)... Неопишима их неземная красота на фоне голубого неба. Двое нищих перешли мост и начали свое восхождение... Мои плечи были разбиты, икры разрывались, а слова моего монгольского друга, сказанные, чтобы отвлечь меня, казались теперь раздражающими. ...На высоте 12-13 тыс. футов

становится нечем дышать и легко устаешь от недостатка кислорода, а я был там с тяжелым грузом на спине. Мой монгольский друг шел на расстоянии вытянутой руки, но двигался скачками и прыжками» [2].

Рахул-джи и монгольский лама преодолели перевал Тангла на высоте более 16 тыс. футов. Рахул-джи пишет: «...солнечный свет в Тибете может быть очень сильным... Если вы идете лицом к солнцу примерно в 2 часа дня, ваши брови может опалить его пылающий жар, тогда как ваши плечи в тени холодны как лед...» «Это идеальное место для разбойников... нам рассказывали, что год назад возле Тангла было совершено убийство... Однако мы не слишком опасались быть убитыми, ведь мы были нищие, и когда бы нам ни случилось увидеть злое лицо, мы сдергивали наши шапки и высунув языки просили милостыню, говоря: “Кутчи, кутчи (смилуйтесь, смилуйтесь), пожалуйста монетку”» [2].

Великая равнина Тингри привела к монастырю Шекар, первому из множества монастырей, которые Рахул Санкритьяна посетил и обследовал в поисках хранящихся там книг. Он вспоминает: «Там был великолепный алтарь, где хранились 103 рукописных текста Канчжура (тибетский буддийский канон)... Книги были написаны прекрасным каллиграфическим почерком на самой толстой бумаге, и каждый том весил не менее 15 кг» [2].

Пять столетий Тибет впитывал практически всю доступную буддийскую литературу из Индии и тщательно переводил ее с санскрита на тибетский. Рукописные копии хранились во всех главных монастырях. Техника печати с деревянных досок, ввезенная из Китая только в XV веке, была дорога. Во время исламского завоевания большая часть санскритских оригиналов в Индии была уничтожена, но копии, привезенные в Тибет для перевода, все еще лежали, спрятанные в тайных местах.

Тибетские буддийские каноны, т.е. Канчжур и Танчжур, были составлены и тщательно проверены на аутентичность в XIV веке, главным образом, усилиями замечательного ученого, историка и писателя Бутона Ринчен Дуба (1290-1364), который сначала учительствовал в монастыре Сакья, где имел доступ к обширной библиотеке. Бутон родился в то время, когда «работа по систематическому собиранию всех индийских текстов, переведенных до этого на тибетский, еще не была выполнена, потому что никто не знал обо всех переведенных трактатах и никто не имел их собранными и доступными в одном месте...» Кроме того, «Тибет не имел возможности обмена идеями с живой буддийской Индией», поскольку к концу XIII века буддизм исчез из индийских буддийских центров [15].

После Бутона к этому собранию было добавлено лишь несколько работ. В 1322 г. Бутон написал «Историю буддизма в Тибете», которую Рахул-джи упоминает как «одну из самых надежных работ» [16].

Искусные рукописи канона хранились в Шалу Рипуге, маленьком монастыре, бывшем отделением монастыря Шалу на полпути между Шигадзе и Джангдзе [17, с.239]. Рахул-джи посещал этот монастырь 8 раз. Шалу Рипуг не обладал особым влиянием, но был важен тем, что к нему принадлежал Бутон. Взгляд на учение в Шалу был сходен с Сакья, но несколько шире [18].

Позднее Рахул-джи достал экземпляр лхасского ксилографического издания буддийского канона, «по точности и качеству печати превосходивший издания Нартанга, Дерге, Гумбума и Пекина» [12].

4464 переведенных текста канона прибыли в Индию в 1930 году и стали частью коллекции в Патне. Всего Рахул привез в Индию три версии тибетского буддийского канона: одну для Научного общества Бихара, другую для Калькуттского университета и третью для Видьяланкары на Шри Ланке.

Оригинальные труды на санскрите и хинди индийского философа Атиши, или Дипанкара Шриджняны, работавшего в Наланде и Викрамашиле в X-XI веках, тоже сохранились в тибетских переводах в Танчжуре. Атиша написал более 43 работ по махаянскому буддизму и другим предметам и более 127 работ на тантрийские темы [19, с.81]. Рахул-джи нашел переводы трудов Атиши и его тибетские жизнеописания.

В 1929 году Рахул-джи прошел через Шигадзе и Джангдзе, главные тибетские торговые центры в провинции Цзан, в Лхасу, тибетскую столицу в провинции Уй. По прибытии в Лхасу он решил разоблачить себя: «Поскольку теперь настало время отказаться от инкогнито, то необходимо заявить о себе Далай-ламе. В моей хрестоматии говорилось, что когда-то сотни индийских пандитов пришли в Тибет, где они перевели тысячи книг на тибетский язык и преподали тысячам молодых ученых сущность буддийской метафизики. Сам же я считал, что хотя религиозные связи между Тибетом и Индией столетиями не действовали, но я тоже пандит, и туда, куда раньше индийцы приходили как гуру, я пришел как ученик, и поэтому мне, конечно же, должны быть льготы как студенту из Индии, которым волею судьбы мне случилось стать. 21 июля я написал 15 шлок, чтобы поднести их Далай-ламе...»

«Хотя я хорошо знал, какую огромную помощь оказали Далай-ламе британцы во время китайской революции 1911 года, знал я также и то, что

семена недоверия, посеянные за 150 лет, все еще оказывают воздействие на тибетцев, рассматривающих британцев как главенствующую силу. К несчастью, я был британский подданный. Никто здесь не знал о трудностях, с которыми мне пришлось столкнуться, чтобы ускользнуть от английского надзора, пробираясь в Тибет. Поэтому я решил доставить мое письмо Далай-ламе любыми средствами. Хотя я мог бы успешно оставаться здесь затаившись, была велика возможность того, что у многих людей будут впоследствии сложности в связи с моим случаем, и поэтому я предпочел иной путь... Я перевел шлоки на тибетский с помощью своих друзей. Санскритский текст я сам каллиграфически переписал очень красивым почерком и рано утром 9 августа отправился... к Норбулинке, летнему дворцу Далай-ламы и передал шлоки, их перевод и белый шелковый хадак (церемониальный шарф)... и позднее получил ответ, что письмо передано, пандита приглашают остаться... и что Его Святейшество Далай-лама предоставит ему аудиенцию в свое время».

Эта аудиенция так никогда и не состоялась, но Рахул-джи 15 месяцев провел в Тибете без каких-либо помех с официальной стороны. Он посетил главные монастыри возле Лхасы: Сера, Дрепунг, Галдан и Ташилунпо возле Шигадзе — все это буддийские центры школы гелугпа. Гелугпа — самая поздняя из четырех основных школ буддизма в Тибете. Основанная Цзонхавой (1357-1419), к концу XIV века она стала мощной монашеской организацией. Монастыри Сера, Дрепунг и Галдан были главными центрами буддийской учености, делая акцент на индийской мадхьямике традиции Нагарджуны, но в то же время они стали доминировать во всей администрации и правительстве, препятствуя иностранным влияниям на Тибет [17, с.230].

Как мог Рахул-джи, один из этих подозреваемых в нежелательных воздействиях иностранцев, получить доступ в монастыри и даже в такие места, которые обычно оставались скрытыми за семью печатями? Рахул Санкритьяна имел главное преимущество перед другими исследователями Тибета: он был знатоком философии, сведущим в санскрите и в индийских традициях ньяи (логики) и мимансы (исследования), а помимо этого косвенного знания, он был сведущ в буддийской метафизике и в Трипитаке. Он знал санскрит, пали, праkrit, а в скором времени и тибетский в достаточной степени, чтобы определять рукописи. Кроме того, он знал, что искать. После своего первого тибетского путешествия он посетил Европу, где имел возможность обменяться сведениями с известными востоковедами, такими как д-р Рудольф Отто в Германии, де ла Валле Пуссен, Сильвен Леви и Поль Пеллио во Франции и др. Он

занимался в библиотеке Британского музея в Лондоне. Основываясь на собранном к тому времени материале, он в 1932-33 годах написал книгу «Буддизм в Тибете» [16] и напечатал около 20 оригинальных научных статей в индийских и иностранных журналах.

Рахул путешествовал так, как это делали когда-то индийские пандиты (гьякар), столь почитавшиеся в Тибете. Это заставляло хозяев открывать ему двери, которые не открывались для иноземцев со времени последних прибытий пандитов в Тибет, примерно в XIII веке.

В 1930 году Рахул-джи вернулся в Индию из своего первого путешествия через перевалы Джалеpla и Тукола и прибыл в Калимпонг, горный поселок в Восточных Гималаях. В 1904 году экспедиция Янгхазбенда прошла по тому же маршруту из Калимпонга до Джангдзе. Позднее Рахулу Санкритьяяне доводилось жить в Калимпонге, где он работал над переводами санскритских текстов, найденных в Тибете в 30-е годы. Здесь Ю.Н.Рерих, живший в Калимпонге с конца 40-х до середины 50-х годов, и Рахул-джи начали работу над сочинением Дхармакирти «Праманавартика», которое индийский ученый нашел в монастыре Сакья в 1934 году.

Во время последующих путешествий Рахул-джи преследовал определенную цель: отыскать утерянные санскритские рукописи позднего периода буддизма в Индии (IV в. и позднее). Он запросил необходимое разрешение у тибетского правительства, каковое и было выдано ему регентом Лхасы. Таким образом, Рахул-джи позволили заходить во все монастыри и осматривать скрытые книги, которые порой были закрыты и опечатаны печатями пяти монастырских чинов [20].

Рахул-джи особенно интересовался санскритскими оригиналами буддийских текстов позднейших логиков, таких как Дигнага, Асанга, Васубандху и Дхармакирти, чьи оригинальные работы на санскрите были утрачены при тюркском завоевании, которое привело к уничтожению индийских университетов Наланды и Викрамашилы.

В очерке «Подъем и упадок буддизма в Индии» [21] Санкритьяяна подвел итог развития буддизма в Индии и указал на важность обнаружения тибетских текстов для понимания его исторической эволюции. Ход мысли, отразившийся в его сочинениях, всегда был необычен. «Он выбрал буддийские исследования как самое острое интеллектуальное орудие, чтобы снять тонкий слой брахманской ортодоксии и, с одной стороны, пробудить чувства в обычных людях, а с другой — познакомиться западных ученых с социальными силами буддийской культуры в Индии» [22].

В ранний период буддизма в Индии первоначальное учение исторического Будды Шакьямуни разделилось на 18 никай, или школ, которые в более поздний период, после царя Ашоки, сложились в 4 основные школы: две из них следовали хинаяне, а две — принципам махаянского буддизма. Первые две, известные как вайбхашика (субъективный реализм) и саутрантика (номинализм), основывались, главным образом, на старом священном писании. То, что было классифицировано как махаяна, представляло собой идеалистическую философию Асанги (ок. 350 г.) и субъективный идеализм позднейших логиков Дигнаги, Дхармакирти (ок. 600 г.) и др., отразившийся в школе йогачара или виджнянавада. Школа мадхьямика («средний путь»), основанная Ачарьей Нагарджуной (ок. 175 г.), проповедовавшим взгляд на взаимозависимое бытие, также принадлежала махаяне и оказала огромное влияние на развитие традиции гелугпа. Таким образом, к концу IV столетия буддизм проповедовался в Индии в этих четырех основных школах.*

Санскритьяне было ясно, что утраченные сочинения этих поздних логиков могли остаться только в Тибете, поскольку буддийские контакты с другими странами относятся к более раннему периоду, а культурные контакты в этот поздний период буддизма в Индии складывались, главным образом, с Тибетом. Такие тексты могли бы также нести свидетельства о начальных формах буддизма хинаяны и махаяны, которые к VIII веку изменились коренным образом — особенно в Северной Индии — при введении идолопоклонства и сексуального тантризма в форме буддизма ваджраяны. Восстановлением текста Сарахи «Дохакоши» Санскритьяна перенес интерес на период сиддхов в индийской истории и на происхождение поэзии хинди.

Буддизм попал в Китай и Восточную Азию задолго до исламского завоевания Индии, но пандиты, бежавшие от разрушения университетов Наланды и Викрамашилы, искали убежища в недоступной Стране снегов. Монастырь Сакья, основанный в 1073 году Кончоком Гьялпо (1034-1103) и расположенный на торговом пути, который связывал долины Непала с богатыми сельскохозяйственными районами вокруг Шигадзе, был прекрасным убежищем для индийских пандитов. Поэтому он стал одним из основных центров, где санскритские тексты переводились на тибетский и включались в канон. Пять иерархов школы сакьяпа (начиная с 1071 г.) играли важную роль в истории буддизма в Тибете и

* Эти четыре школы следуют средневековой классификации, которая сохранилась также в тибетском буддизме.

Монголии. Дагпа Гьялцен был известен как знаток санскрита; он перевел «Ньяямукху» Дигнаги. Это было в XII веке, во время разрушения Магадхи, Наланды и Викрамашилы, и именно по приглашению Дагпа Гьялцена последний настоятель Викрамашилы Сакьяшри Бхадра нашел убежище в монастыре Сакья. Он пробыл там много лет, и под его руководством племянник Дагпа Гьялцена Кунга Гьялцен (1182-1251) стал одним из величайших тибетских ученых и санскритистов. В то время, когда буддизм исчезал в той стране, где он появился, Кунга Гьялцен открыл для него новую страну — Монголию. В следующем столетии буддизм распространился в Монголии, а монгольские ханы, в свою очередь, гарантировали политическую власть школы сакьяпа. Так в 1248 году Тибет вступил в период монашеского правления [23].

Но буддизм достиг и народов, живущих гораздо севернее — бурят в Сибири и даже калмыков. Россия стала интересоваться изучением Тибета со времен Петра Великого. Россия построила крепость Семипалатинск на берегу Иртыша на развалинах буддийского монастыря. При закладке фундаментов было найдено несколько буддийских книг, которые и стали первыми тибетскими рукописями, посланными в Европу [24].

Санкритьяна дал нам совершенно новый взгляд на понимание культурных связей индийского прошлого, которые были полностью забыты вплоть до индийского возрождения в XIX веке. Воодушевленные усилиями европейских ученых, образованные индийцы начали изучать корни своих предков. Санкритьяна был исключением среди них, потому что он вел исследования в самой широкой перспективе, охватывающей историю, лингвистику, археологию, искусство, философию и др.

Открытия в монастыре Сакья (1934)

На этот раз Санкритьяна проследовал по торговому пути Калимпонг—Лхаса через долину Долю и Фари Дзонг. Дважды посетив монастырь Дрепунг, он отправился на север в монастыри Таглунг и Ретинг. Таглунг был основан в 1185 году и стал главным монастырем подразделения школы кагьюпа, основанного переводчиком Марпа-лоцавой (1012-1098), учившимся в Индии у сиддха Наропы. А Ретинг был основан на столетие раньше (1056) Домтоном (1008-1064), учеником Атиши. Он избегал показываться на людях и оставался в затворе в Ретинге вплоть до своей смерти. Его традиция учения стала известна как кадампа (букв. «устное наставление») [17, с.131].

Вернувшись в Лхасу, Рахул-джи отправился в западную провинцию Цзан в сакьяский монастырь Сакья, где он нашел подлинный текст X века на санскрите. Сакья стал основным центром для его посещений в этом и в двух следующих путешествиях 1936 и 1938 годов. Отсюда он мог предпринимать свои поиски. Целые недели он проводил, переписывая от руки шлоки. Когда у него были фотоматериалы, он переснимал рукописи.

Он так описывает свое открытие 1934 года: «...печати на дверях были сняты, и маленькая комната за храмом открылась. Поднялось облако пыли... Казалось, что эту комнату не открывали лет 50. На верхних полках лежали птичьи яйца. Прочистив горло от пыли, мы огляделись. Тысячи рукописей лежали на деревянных полках. Лишь несколько имели номера. Некоторые из них по размеру и форме напоминали санскритские рукописи на пальмовых листьях. Скоро наше настроение поднялось, когда мы нашли в левом углу, между тибетскими рукописями, множество этих рукописей на пальмовых листьях. Там было 25 связок, каждая между двумя деревянными дощечками и обернута старыми кожаными лентами. Рассмотрев их с большим любопытством, мы обнаружили полную рукопись “Праманавартика-бхашья”, комментарий к первой главе “Праманавартики” (Дхармакирти) и полное издание “Йогачарабхуми” Асанги. С 26 мая по 6 июля я проводил все свое время, переписывая тексты, разбирая их и составляя каталог» [23].

«Праманавартика» Дхармакирти — это один из самых важных буддийских текстов по логике. Сохранилась собственная оценка Санкритьяной важности этого трактата Дхармакирти и открытия его оригинального текста, данная им в 1944 году в письме к ректору Ленинградского университета [25].

Рахул-джи писал: «Перед тем, как я начал работу в этой области, был доступен только один маленький трактат Дхармакирти на санскрите “Ньяябинду”. Во время четырех моих путешествий в Тибет я нашел другие его трактаты, среди которых монументальный труд “Праманавартика” с авторским комментарием, комментарием, подкомментарием и словарем. Некоторые из этих трактатов я уже отредактировал и опубликовал, а другие находятся в печати. Здесь уместно заметить, что Дхармакирти — это величайший логик Индии, соединивший в себе практический ум Аристотеля, острое суждение Канта и диалектический ум Гегеля. Он написал семь книг, все по логике, только пять из них сейчас доступны на санскрите (четыре изданы или частично восстановлены мной

в 40-50-х годах). Я хочу завершить издание всех его трактатов на санскрите, но для этого понадобится пятое путешествие в Центральный Тибет...»

Сакья Пандита (1182-1231) обращал внимание прежде всего на вопросы учения и основывался на трудах Дхармакирти по логике [26, с.34]. Скорее всего, именно поэтому комплект рукописей хранился в монастыре Сакья.

Асанга придерживался воззрения Читтамара, «только мысль», считающего, что видимая реальность — это не что иное как представление нашего собственного ума. Эту точку зрения позднее подчеркивали тибетские школы ньингмапа и кагьюпа, тогда как гелугпа более строго следует позиции Нагарджуны школы мадхьямика [26, с.31].

Трактат Асанги «Йогачарабхуми», восстановленный Рахул-джи и содержащий 8000 шлок, был отредактирован Бидхусекхаром Бхаттачарьей и опубликован в Калькутте [27].

Первые попытки развеять тайны запечатанных комнат в монастырях не всегда были успешны. Много раз во время каждого из трех путешествий посещал Рахул-джи монастырь Нгор, прежде чем получил доступ к 40 оригинальным санскритским рукописям, хранившимся там. Этот монастырь был основан в XIV веке Сакья-ламой и с самого основания развивался как новое подразделение Сакья, известное как Нгор-па [13]. Рахул вспоминает свое первое посещение: «...в монастыре было 40 оригинальных санскритских рукописей. Я хотел перефотографировать некоторые из них. Это нелегкая задача в Тибете. Рукописи хранились в комнате, опечатанной пятью разными монастырскими чинами... и один из пяти всегда отсутствовал» [13].

Рахул вернулся в Катманду в сопровождении Гедун Чойпела и в следующий раз снова воспользовался путем, который привел его семь лет назад в Страну снегов. Он был так захвачен поисками оставшихся утраченными глав «Праманавартики», что не уделял никакого внимания своему здоровью, пострадавшему от брюшного тифа зимой 1935-1936 годов.

Он вспоминает: «Моя недавняя болезнь была столь серьезна, что впоследствии я узнал, как мои друзья обсуждали, где кремировать мое тело и куда деть пепел! В течение всей болезни мой ум был занят мыслью о восстановлении и публикации “Праманавартики”, и иногда я очень печалился, что в случае моей смерти некому будет доставить последние главы великого труда из недоступных архивов монастыря Сакья» [13].

Проведя 11 недель в Сакья, Рахул-джи вернулся в Индию через перевалы Шонгпала, Кирула и Лачен, спустившись в зеленые долины Сиккима.

Собранный им за три года, в общей сложности, пребывания в Тибете материал потребовал бы еще одной жизни для перевода, каталогизирования и комментирования. Но в Индии освободительное движение ждало его возвращения к политической деятельности. Все же во время тюремного заключения в 40-х годах и позднее он продолжал писать на буддологические темы,* делась своими познаниями и материалами своих тибетских путешествий.

Пятое путешествие в Тибет, о котором мечтал Рахул Санкритьяяна, стало невозможным из-за политической ситуации 1958 года, когда ученый как раз был в Китае и испрашивал разрешения.

Рахул Санкритьяяна оставил Индии ценное наследство, принесенное им из Тибета, а нам завещал продолжать нескончаемые поиски, чтобы узнать и понять, «откуда» происходят наши культуры, языки и идеи и как природа ума заставляет нас жить и мыслить. Рахул-джи хотел, чтобы знание о нашем прошлом стало источником творческого интереса в современной жизни.

Калимпонг,
1995 год

Перевод с английского
О.В.Альбеидия

Примечания

1. Sankrityayana R. On Tibet // Vividh Prasang (Varied issues). New Delhi, 1986.
2. Sankrityayana R. Meri Jeewan ki Yatra. Vol.II. Allahabad, 1950.
3. Sankrityayana R. Bauddha Sanskriti (Buddhist civilisation). Calcutta, 1952.
4. Sankrityayana J. Roam the Wide Ranges of the Hills. Paper presented on the Rahul Centenary Seminar. Darjeeling, 9.4.1994.
5. Decter J. Nicholas Roerich. The Life and Art of a Russian Master. London, 1989. P.167 ff.
6. Sankrityayana R. From the Land of the Lamas. Selected Essays. New Delhi, 1985.

* Даршана-дигдаршана, 1942; Бауддха санскрити, 1949; Манав самадж, 1943; Бауддха даршан, 1943; Махаманав Буддха, 1956; Сараха доха-кош, 1957; Тибетско-хинди словарь, 1960; Панч Бауддха даршаник, 1960.

7. Kumar Bimalendra. Contribution of Rahula Sankrityayana in Indo-Tibetan studies // Bodh Chakra, Rahul issue. Patna, 1994. p.73.
8. Sankrityayana J. Rahul Sankrityayana: a Traveller's Tales. (Не опубликовано).
9. Roth Gustav. Nachtrag zur Edition der Bhiksuni-vinaya der Aryamahasanghika-lokottaravin. Bonn, 1993.
10. Much T.M. A Visit to Rahula Sankrityayana's Collection of Negatives at the Bihar Research Society: texts from the Buddhist Epistemological School. Wien, 1988.
11. The Catalogue of Miscellaneous Tibetan Manuscripts. Ed. Anirudha Jha. Patna, 1961.
12. Sankrityayana J. The Tibetan Collection. (Не опубликовано).
13. Sankrityayana R. On Way to Tibet. Selected Essays. New Dehli, 1995.
14. Из воспоминаний Гедун Чойпела, цитированных в книге: Norbu Lobsang. Rahul Sankrityayana in Tibet // The Mahabodhi Journal. Calcutta, 1993.
15. Sankrityayana R. History of Buddhism in Tibet-II. Selected Essays. New Delhi, 1984.
16. Sankrityayana R. Buddhism in Tibet. Selected Essays. New Dehli, 1984. p.12.
17. По книге: Snellgrove, Richardson. A Cultural History of Tibet. Boulder, 1980. Оригиналы содержатся в монастыре Нартанг.
18. Hoffman Theodor. Tibet, a Handbook. India University, Bloomington. p.158.
19. Sankrityayana R. The Life of Acharya Dipankara Srijnana. Selected Essays. New Delhi, 1985.
20. Sankrityayana R. Tibbat Mein Bauddha Dharm. Hindustan Academy, Allahabad.
21. Sankrityayana R. The Rise and Fall of Buddhism in India. Selected Essays. New Delhi, 1984.
22. Rajendra Ram. Contribution of Rahula to the Indian Buddhist Studies. Mahapandita Rahula Sankrityayana, Birth Centenary Volume. Calcutta, 1994. p.46.
23. Sankrityayana R. Eleven Weeks at Sakya. (On Way to Tibet). Selected Essays. New Delhi, 1985.
24. Sankrityayana R. Tibetan Studies. Selected Essays. New Delhi, 1985. p.54.
25. Sankrityayana's family collection.
26. Tucci G. The Religions of Tibet. London, 1980.
27. Jagadiswar Pandey. Discovery of Indian Manuscripts in Tibet by Mahapandit Rahul Sankrityayana. Essays on Indology. Chattopadhyaya A.(ed.). Calcutta, 1994.